

Онъ сѣлъ возлѣ молодой женщины и съ новымъ любопытствомъ глядѣлъ на нее, — съ любопытствомъ любителя, собирающаго рѣдкости.

Она была очень мила; такая бѣленькая и нѣжная. Ее хотѣлось приласкать. Онъ подумалъ: она лучше той, и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ былъ увѣренъ, что ему стоитъ только протянуть руку и взять ее, какъ срываютъ съ дерева плодъ.

Онъ съ рѣшимостью произнесъ:

— Я не приходилъ къ вамъ, потому что такъ лучше.

Она спросила, не понявъ его:

— Какъ такъ? почему?

— Почему? вы не угадываете?

— Нѣтъ.

— Потому что я влюбленъ въ васъ... о! немножко, только немножко... и не хочу, чтобы это чувство во мнѣ развилось.

Она не казалась ни удивленной, ни оскорбленной, ни польщенной; она продолжала улыбаться той же равнодушной улыбкой и спокойно сказала:

— О! это ничего не значитъ, приходите. Въ меня никто долго не бываетъ влюбленъ.

Тонъ удивилъ его еще болѣе, нежели слова, и онъ спросилъ:

— Почему?

— Потому что это бесполезно и я съ разу даю это понять. Еслибы вы раньше сказали мнѣ, чего вы боитесь, я бы васъ успокоилъ и пригласилъ придти какъ можно чаще.

Онъ произнесъ патетическимъ тономъ:

— Точно можно владѣть своими чувствами.

Она повернулась къ нему:

— Мой милый другъ, по моему влюбленнаго мужчину слѣдуетъ вычеркивать изъ списка живыхъ людей. Онъ становится идиотомъ, и мало того: опаснымъ идиотомъ. Я прекращаю всякое знакомство съ людьми, которые меня любятъ, во-первыхъ, потому, что они мнѣ надоѣдаютъ, а во-вторыхъ, потому, что они мнѣ становятся подозрительны, какъ бѣшеная собака. Поэтому я подвергаю ихъ нравственному карантину до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не пройдетъ у нихъ. Не забывайте этого. Я хорошо знаю, что для васъ любовь есть ничто иное какъ физическій аппетитъ, а для меня она... ну какъ бы сказать, союзъ душъ, а это вовсе не входитъ въ религію любви мужчинъ. Вы понимаете только букву любви, но не духъ. Но... поглядите мнѣ пристально въ лицо...